
ПРЕДИСЛОВИЕ

Протоиерей Александр Мень принадлежит к числу выдающихся людей России второй половины XX века. Его книги об истории религии, о Библии, о христианстве, которые с конца 60-х годов стали печататься в Бельгии издательством «Жизнь с Богом» и различными путями достигали советского читателя, становились плодотворными семенами возрождения христианской веры. Все это происходило в стране, в которой тысячи священнослужителей и мирян подвергались жестоким репрессиям с первых же дней революции 1917 года, а в 1960 году главой государства было обещано через пять лет показать по телевизору «последнего попа» и на этом с религией покончить.

В 1929 году митрополит Сергей (Страгородский), фактический глава Русской Православной церкви, пытаясь защитить Церковь от репрессий, пошел на рискованный компромисс с советской властью и издал декларацию, в которой утверждал, что в СССР нет гонений на религию, а есть только преследования за антисоветскую деятельность. С этого времени сотни епископов и священников были вынуждены уйти в подполье и нелегально продолжать свое служение. Возникла по существу «катакомбная» Церковь. Целью этой Церкви было сохранение чистоты Православия. В условиях, когда были закрыты все духовные семинарии, когда были закрыты все монастыри и почти все храмы, а на свободе осталось лишь несколько епископов, когда преподавание религии стало уголовным преступлением, христианская вера оставалась целью и содержанием жизни многих тысяч верующих, священников и мирян. Богослужения совершались тайно по домам, необходимо было соблюдать крайнюю осторожность в контактах с людьми. Но людей, сердца которых тянулись к постижению истинного

смысла человеческой жизни, Бог самыми различными путями приводил к Евангелию и к Церкви.

Можно, пожалуй, сказать, что история, изложенная в предлагаемой книге, началась с того, что одна девочка из еврейской семьи с первых лет обучения в гимназии в Харькове, едва узнав о Христе, всем сердцем потянулась к Нему и к Его Евангелию. Это влечение сохранялось и росло, и когда Елена Семеновна Мень, уже в Москве, стала женой и матерью, она приняла Крещение вместе со своим первенцем, Аликотом Менем, в сентябре 1935 года. Крестил их в одном из домиков Сергиева Посада (в советское время Загорска) архимандрит Серафим (Битюков), до 1929 года настоятель храма Святых бессребреников Кира и Иоанна на Солянке в Москве. В этом доме была одна из таких «катакомбных» общин того времени. Подпольно совершались богослужения, крещения и духовное окормление членов этой общины.

Семье Меней помогала двоюродная сестра Елены Семеновны, Вера Яковлевна Василевская. Она в 1918 году закончила одну из лучших московских гимназий, затем — философский факультет МГУ и впоследствии стала кандидатом педагогических наук. Вера Яковлевна, в сущности, посвятила всю свою жизнь Леночке (Елене Семеновне Мень), при этом особенно она любила Алику, и всё свое интеллектуальное и духовное богатство стремилась передать ему буквально с первых дней его рождения. Алик Мень с раннего детства проявлял себя как необычайно талантливый ребенок. И, конечно, глубоко духовная и культурная атмосфера, создававшаяся мамой и тетужкой, легла на исключительно благоприятную почву.

Предлагаемая книга замечательно передает жизнь этой подпольной православной общины, начиная с 30-х и до середины 40-х годов, когда на совещании православных епископов в одном из лагерей ГУЛАГа было принято решение о выходе «катакомбной» церкви из подполья и возвращении в храмы Русской Православной церкви. Такое решение было связано с избранием Патриарха Алексия (Симанского) на Церковном соборе 1945 года и признанием этого избрания каноническим и законным. Конечно, гонения на Церковь и верующих не прекратились, но стали несколько мягче. Об этом послевоенном периоде жизни Церкви и верующих, о духовной атмосфере этого времени также замечательно рассказано в книге.

Алик очень рано стал читать и писать. Удивительно, что первые слова, написанные им в четыре года печатны-

ми буквами, стали заглавием всей его последующей жизни: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12: 21). В двенадцать лет, во время празднования 800-летия Москвы, когда в небо в лучах бесчисленных прожекторов был поднят на аэростатах грандиозный портрет Сталина, Алик, уже знавший о бесчисленных злодеяниях вождя народов, принял решение стать священником. Знаменательно, что мальчик избрал в качестве противостояния тирану не путь политической борьбы и революций, а служение Богу и Церкви.

В этом служении будущий отец Александр уже с детства был наставляем и избрал сам не путь церковной замкнутости и изоляции от падшего мира, а путь глубокой веры в Бога, верности Священному Писанию, Церковной традиции с одновременной открытостью миру, науке, культуре и каждому человеку.

В это же время он пережил опыт глубокой встречи со Христом. Как бы ответом на его мрачные юношеские стихи стало переживание необычайной близости внутренне явившегося ему Иисуса как света, мудрости и разума. Реальность пережитого события и близости Христа сохранилась на всю жизнь и наложила отпечаток на все дела и решения отца Александра.

Книга очень хорошо передает замечательно дружную и духовную атмосферу жизни семьи Меней. Моя жизнь сложилась так, что уже в 1946 году, когда я пошел в первый класс 554-й школы, я очень скоро решил дружить с мальчиком из моего класса, Павликом Менем. С тех пор и до настоящего времени мы остаемся с Павлом самыми близкими друзьями. Мы жили на Серпуховке в соседних домах. Семья Меней стала для меня настоящей второй семьей. Я чуть не каждый день бывал у них в доме. Летом часто бывал и жил у них на даче на станции «Отдых» Казанской железной дороги. Так что могу свидетельствовать, что всё, о чем рассказывает эта книга, целиком соответствует моим воспоминаниям и пережитому времени.

Не могу не сказать об особой значимости в судьбе отца Александра Меня удивительного русского святого, преподобного Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой лавры в городе Сергиев Посад Московской области. В жизни преподобного Сергия, который, по мнению многих историков России, сыграл, пожалуй, решающую роль в объединении разрозненных русских княжеств в единое государство и освобождении от татарского ига в XIV веке,

есть один поразительный факт. Он первый из строителей монастырей средневековой Руси основал свою обитель в честь Святой Троицы. Как он сам говорил, в этом был его призыв к подражанию любви и единству Божественных Лиц в противовес ненавистной розни князей.

Именно в Сергиевом Посаде 3 сентября 1935 года семимесячный Алик принимает Святое Крещение. Именно там с этого времени принимают духовное окормление он сам, его мама и тетушка. Архимандрит Серафим сразу после начала войны, летом 1941 года, благословляет Елену Семеновну Мень с мальчиками остаться в деревне Глинково, в 5 километрах от Сергиева Посада, сказав, что немцы Сергиев Посад не возьмут. Многие подмосковные города зимой 1941 года были оккупированы немцами, но Сергиев Посад был не тронут. И, несмотря на тяжелейшие условия выживания, Елена Мень с мальчиками смогли прожить там до сентября 1943 года. В Сергиевом Посаде до 1961 года семья получала духовное окормление у схиигуменнии Марии, часто навещая ее.

В Пушно-меховом институте Александр знакомится со своей будущей женой, Наташей Григоренко, которая жила со своими родителями рядом с Сергиевым Посадом. С 1964 года семья отца Александра живет в доме Наташи. Наконец, 9 сентября 1990 года в 6.40 утра отец Александр был убит ударом топора в голову неподалеку от дома, когда он шел на электричку, чтобы ехать в свой храм в Пушкино служить воскресную литургию. Это случилось на той тропе, по которой преподобный Сергей ходил из родительского селения Радонеж на Маковец, где он основал Троице-Сергиеву лавру. На месте убиения в 2000 году построен храм, посвященный преподобному Сергию.

В заключение желание моего сердца привести несколько слов об отце Александре Мене С. С. Аверинцева, нашего замечательного литературоведа, философа и историка:

«9 сентября 1990 г., за день до Усекновения главы Иоанна Предтечи, топор убийцы рассек голову о. Александра Меня. Голову священника на пути в храм. Недруги столько корили его нерусской его кровью (кровью ветхозаветных патриархов), и вот теперь кровь его навсегда смешана с русской, с московской землей. С землей края преподобного Сергия. Более нерасторжимой связи и быть не может. <...> Он писал и говорил на языке века, чтобы его услышали. Он мог бы сказать о себе словами апостола Павла: “Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше при-

обрести... Для немощных я был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (1 Кор. 9: 19, 22). Князь мира сего никому еще не прощал такого поведения. И на вершине горы — крест». (Из книги: Памяти протоиерея Александра Меня. М.: Рудомино, 1991.)

Я горячо советую взявшему в руки эту книгу прочитать ее всю, чтобы, во-первых, осознать всю тяжесть и противоестественность советского времени, из которого мы, к нашему великому счастью, вышли после 1990 года. А во-вторых, почувствовать истинность и радость того пути христианской веры, который, наряду со многими другими служителями Христа, нам открывает личность, жизнь и труды протоиерея Александра Меня.

Прот. Александр Борисов

Выражаю искреннюю благодарность Ольге Ерохиной, Андрею Еремину и Евгении Штельмашенко, ставшим первыми читателями и редакторами этой книги и вдохновившим автора на ее продолжение; Павлу Меню, предоставившему для этой работы множество литературных источников; Лидии Мурановой, щедро поделившейся со мной своими видеointервью разных лет; Сергею Бессмертному, создавшему драгоценный фотоархив, посвященный герою этой книги; и всем, кто оставил свои свидетельства о жизни и духовном подвиге отца Александра Меня.

Автор

ПРОЛОГ

На 800-летие Москвы, 7 сентября 1947 года, двенадцатилетний Алик Мень увидел поднимающийся над вечерним городом аэростат с огромным портретом «отца народов» в лучах прожекторов. Это было как посягательство на единственное пространство, свободное в те годы от изображений вождя, — посягательство на небо. Тогда Алик и принял окончательное решение о следовании по пути священства. Для него было очевидно, что только путь к Богу и любовь Христа могут стать для людей путеводной звездой — вопреки террору и той идеологии, которая внедрялась в стране как основа мировоззрения, но была лишь карикатурной подменой религиозности.

Впоследствии Александр Мень напишет: «Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачайшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием “правды жизни”, какой она предстает, если выносят высший Смысл “за скобки”. И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения. Тогда же я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение стать священником.

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, лежащие на заранее приготовленный рисунок. А над всем — если выразаться выпреним языком — светила звезда призвания»¹.

---

¹ Мень А. В. О себе... М.: Жизнь с Богом, 2007.

В тот день юбилея Москвы Алик Мень отчетливо понял, что огромное большинство населения страны, которое многие десятилетия держали в темноте и неверии, в незнании Бога, оказалось обманутым и что пастырское служение становится теперь одним из самых нужных в атеистической России.

Из его воспоминаний: «Я рано получил прививку против культа Сталина. В школьные годы на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который “пришел взять его к себе”. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой “идейности” (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: “Ведь это религия”. В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик “отца”, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплялась множеством наблюдений и, в конце концов, помогла пониманию огромной исторической трагедии, ставшей фоном юности моего поколения».

Свою миссию Александр видел с тех пор в новой евангелизации тяжелобольной России...

Часть первая

НАЧАЛО
ПУТИ

Глава 1

СЕМЬЯ

Александр Мень родился в Москве 22 января 1935 года. Поколение его родителей, ровесников XX века, сформировалось в семьях дореволюционного уклада, но многие его представители были захвачены идеями революции и начала «новой жизни».

Его отец, Вольф Гершлейбович (впоследствии принявший имя Владимир Григорьевич)¹ Мень, родился в Киеве в 1902 году и в детстве учился в религиозной еврейской школе. Как вспоминал Александр, его отец помнил иврит и иногда читал наизусть пророков. Читая пророков, Владимир Григорьевич восхищался главным образом поэзией — его школьный учитель, оказавший на него определяющее влияние, принадлежал к гаскале — движению за включение европейских евреев в светскую жизнь и за отмену дискриминационных законов (что не имело ничего общего с религией). Так, будучи евреем по национальности, Владимир еще в детстве утратил веру, но настоящим атеистом не стал, оставшись человеком нерелигиозным, но с терпимостью относившимся к любой религии.

После окончания хедера, уже в годы Гражданской войны Владимир поступил в Киевский технологический институт на специальность инженера текстильной про-

---

¹ Владимиром Григорьевичем его начали называть еще в 1930-е годы, когда он работал инженером на текстильной фабрике. Очевидно, что для рабочих такое произношение было гораздо привычнее. Когда перед самой войной Вольф Гершлейбович был арестован, в документах дела уже фигурировало написание «Владимир Григорьевич». Оба его сына были при рождении зарегистрированы в актах гражданского состояния с отчеством «Вольфович», которое осталось для них официальным. Но обращаясь к ним, чаще использовали более привычное отчество «Владимирович».

мышленности. Впоследствии он получил также диплом в области химии и стал специалистом по окраске тканей и автором ряда работ по технологии крашения.

Это был терпеливый, добрый и веселый человек. Но террор послереволюционного времени оставил в его душе след на всю жизнь: его любимый брат Яков, вышедший, как и он, из благочестивой иудейской семьи, но ставший революционером и большевиком, членом ЦК Коммунистической партии Украины, был расстрелян по наговору жены, и это произвело на Владимира неизгладимое впечатление. Возможно, что это стало причиной поздней женитьбы Владимира Григорьевича. Он много лет ухаживал за будущей женой и женился, когда ему шел уже четвертый десяток.

Сама Елена Семеновна так вспоминала об истории своего замужества:

«Мне очень хотелось выйти замуж за верующего человека, но это не было дано. Если я узнавала о человеке, что он верующий, то оказывалось, что он уже любит другую. Но в основном молодежь, с которой я встречалась, была неверующая. А некоторые просто скрывали свою веру, так как в то время к верующим было почти такое же отношение, как к врагам народа.

Один из моих знакомых, Владимир, был инженером-технологом, специалистом в области текстильной промышленности. С ним я была знакома с 27-го года. Мне было тогда 18 лет. Он работал в Орехово-Зуеве вместе с моим двоюродным братом Веничкой, инженером-электриком. По воскресеньям они оба приезжали в Москву, и Владимир Григорьевич (так я его называла, так как он был старше меня на 6 лет) часто бывал у нас. Он обычно покупал билеты в театр или кино и приглашал меня. Я с ним везде бывала, у друзей и знакомых. Многие считали меня его невестой. Но мне в то время не очень хотелось замуж. У меня в тот период были иные мысли и настроения.

Но годы шли, и бабушка начала настаивать, чтобы я, наконец, сделала выбор. “Ты всё смотришь на Веру¹, хочешь,

---

¹ *Вера Яковлевна Василевская* (1902—1975) — двоюродная сестра Е. С. Мень, научный работник, специалист по педагогике и детской дефектологии. Окончила психологическое отделение философского факультета Московского университета и Институт иностранных языков. Училась в университете у философов И. А. Ильина (приверженца принципа непримиримости в борьбе с коммунизмом) и Г. И. Челпанова (идеалиста и основателя Психологического института им. Л. Г. Шукиной). Автор ряда работ, часть из которых опубликована.

как и она, дослужить до николаевского солдата”, — говорила бабушка. Так говорили о девушках, которые до 25 лет не выходили замуж. Мама тоже в письмах намекала, что пора замуж выходить. Меня эти разговоры очень огорчали. Владимир Григорьевич не раз делал мне предложение, но я всегда уклонялась от этого разговора. Однажды он уехал надолго из Москвы. Когда вернулся, то поселился в Москве на казенной квартире при 1-й Ситценабивной фабрике, где он работал, и снова мы стали встречаться. Кончался 33-й год. Он пригласил меня встречать с ним Новый год в его компании. Я вначале согласилась. Но вот в церкви объявили, что в 12 ночи будет Новогодний молебен. Тогда я сказала Владимиру Григорьевичу, что не смогу с ним встречать Новый год и ни с кем не буду. Он пошел один, никого не пригласив с собой. И вдруг ему захотелось в ту ночь бросить курить. Он знал, что я не люблю, когда курят, так как курильщики делаются рабами папиросы. И он бросил навсегда курение. Я была поражена. Я поняла, что так как я предпочла молитву новогодним развлечениям, Господь положил на сердце Владимиру Григорьевичу сделать какое-нибудь хорошее дело.

Однажды он прямо поставил вопрос, почему я не хочу выходить за него замуж. Я не сразу ответила, но поняла, что дальше молчать нельзя. И сказала ему: “Потому что я исповедую христианскую веру”. Меньше всего он ожидал такого ответа. Долго мы шли молча. Наконец он сказал: “Ты теперь стала еще выше в моих глазах. А я-то думал, что тылюбишь кого-нибудь другого”. На этом наше свидание закончилось. В следующий раз он сказал мне: “Но ведь то, что ты верующая, не помешает нам в нашей семейной жизни. Ты можешь ходить в церковь послушать какого-нибудь архиерея, а я буду ходить на лекции, а потом мы будем делиться тем, что нам было интересно”.

Вдруг я почувствовала, что воля Божия в том, чтобы я вышла замуж за Владимира Григорьевича, и дала свое согласие на брак»¹.

В первое воскресенье после Пасхи 1934 года, 15 апреля, Владимир и Елена поженились. В начале следующего года у них родился первенец Александр, а спустя еще три года — второй сын, Павел.

Главная из них — «Понимание учебного материала учащимися вспомогательной школы», издание Академии наук РСФСР (М., 1960).

¹ Здесь и далее приведены цитаты из книги Е. С. Мень «Мой путь» (М.: Жизнь с Богом, 2017).

Владимир Григорьевич обещал своей будущей жене, что никогда не будет препятствовать ее христианской жизни, и твердо придерживался этого обещания. В те годы такое решение требовало большого гражданского мужества от человека, работавшего на советской фабрике в должности главного технолога, далекого от религии и вынужденного мириться с конспиративным образом жизни членов его семьи, принадлежащих к «катакомбной» церкви.

Иллюзий относительно политического режима в стране у Владимира Григорьевича и его семьи не было. Они развеялись после ареста любимого брата, в абсолютной невиновности которого Владимир Григорьевич был уверен. Он считал единственно правильным растить детей в атмосфере правды жизни, без фальши и взаимных недомолвок.

«...Несмотря на папину осторожность, дома политическая обстановка в стране не замалчивалась, — вспоминает Павел Мень. — Мнения не расходились. Мы жили в коммунальной квартире, где проживали двенадцать человек, и что-то сказать соседям было опасно. Но, невзирая на это, родители шли на то, чтобы рассказать детям о том, что происходит вокруг. Когда народ был в восторге от вождя, мы знали о том, что масса людей пострадала в этот жуткий период репрессий. Всплывающая правда о Ленине—Сталине до нас, мальчиков, доходила наравне со взрослыми. В оценке важных внешних событий мы были едины. И это тоже работало на папино доверие».

Такая атмосфера в семье стала залогом душевного здоровья детей.

«Родителей отца помню плохо, — вспоминал отец Александр. — Дед был очень религиозным. Но я его видел мало (он жил в Киеве). Его отец был булочником (мелкий буржуа), а жена славилась своей мудростью. К ней ходили за советами».

Как рассказывал отец Александр, его предки по материнской линии, если судить по фамилии Василевские, происходили из Польши. «В начале XIX века они жили уже в России, и мой предок был артиллеристом в армии Александра I, — рассказывал отец Александр. — Сын его служил 25 лет при Николае I, в силу чего его дети получили право жительства в столицах».

Прабабушка моя, Анна Осиповна, могучая, волевая женщина, рано овдовела, однако сумела вырастить семе-

рых детей: Николая, Владимира, Илью, Якова (отца Веры Яковлевны Василевской), Розу, Веру и Цецилию (мою бабушку). До самой смерти прабабушка командовала ими».

Анна Осиповна в молодости тяжело заболела, и ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский. Это случилось в конце XIX века в Харькове, где она осталась многолетней молодой вдовой. Анна Осиповна исповедовала иудаизм, и ей помогала община, к которой она принадлежала. На нервной почве у нее началось вздутие живота, остановить которое известными способами врачи не могли. Смерть и сиротство семерых детей были совсем рядом. В те дни соседка рассказала ей, что в Харьков приехал чудотворец Иоанн Кронштадтский. Анна Осиповна колебалась, поскольку не была православной, но все же пошла к нему через переполненную людьми площадь. Выслушав ее, Иоанн Кронштадтский сказал: «Я знаю, что Вы еврейка, но вижу в Вас глубокую веру в Бога. Помолимся вместе Господу, и Он исцелит Вас от Вашей болезни. Через месяц у Вас все пройдет». Он благословил ее, и опухоль начала постепенно спадать, а через месяц от нее ничего не осталось. Сохранилась семейная легенда о той встрече.

Несмотря на вмешательство отца Иоанна Кронштадтского в жизнь семьи, дети Анны Осиповны стали вольнодумцами и интеллигентами. И притом никто из них не знал идиш.

В очерке «О моих предках и родителях» отец Александр так пишет о детях Анны Осиповны:

«Трое из сыновей [Анны Осиповны] были образованными, инженерами, жили в Москве. Это были мужики большой физической силы и с хорошими, светлыми характерами. Впрочем, Илья был смутьян, и его чуть не приговорили к расстрелу за оскорбление офицера: он был военным, солдатом, офицер оскорбил его в бане, и он своротил тому набок челюсть. Перед судом прабабушка в трауре пришла к генералу, упала на колени и сказала, что он у нее — “единственный”. Парня не расстреляли, отправили в ссылку в Иркутск, а вскоре произошла революция.

Все мамины дядья умерли во время [Великой Отечественной] войны от голода. Как все крупные люди, они не переносили недоедания (Илья мог съесть 20 котлет за раз).

Роза была красивой и мечтала стать актрисой, но прабабушка этого не допустила. Роза вышла замуж за землевладельца из Финляндии и осталась там после революции. Ее дети, мои двоюродные дяди, выросли там. Один из них по-

гиб во время Финской войны. После смерти мужа Роза уехала в Израиль, где и умерла (туда же уехал и другой ее сын).

Цецилия, моя бабушка, была страстной, волевой, религиозной женщиной. Она мечтала о научной карьере, в 1905 году уехала в Швейцарию и поступила в Бернский университет. Там встретила юного одессита Соломона Цуперфейна и вышла за него замуж. У меня сохранился их брачный контракт. Дед обожал ее до конца дней. Умерли они почти одновременно. Его отец (мой прадед) был одесским контрабандистом бабелевского типа: был отчаянным, страшно пил, имел 22 ребенка, погиб по глупости, когда на спор полез в какой-то котел».

Примечательно, что бабушка Александра Цецилия из любви к мужу поменяла медицинскую специальность на одну из областей химии. Супруги окончили химический факультет университета, и уже во время учебы в Берне в 1908 году у них родилась дочь Елена. «Дед между лекциями бегал взглянуть на нее. Был он сентиментален, постоянно говорил по-французски (его звали “французиком”, быть может, за усы). Окончив университет, они поселились в Париже. Летом 1914 года приехали в Россию навестить родственников. Дед был мобилизован, а семья поехала в Харьков, где и жила до Второй мировой войны. Дед держал потом на стене свою полевую сумку, в которой застряла пуля», — продолжает отец Александр.

В Швейцарии Цецилия Цуперфейн не раз слушала выступления Ленина и, несмотря на иудейское вероисповедание, прониклась его социалистическими идеями. После революции в России Цецилия стала искренне советским человеком, и когда ее дочь в возрасте девяти лет потянулась к христианской вере, отнеслась к этому крайне отрицательно.

Сама Елена Соломоновна (Семеновна) писала о том, что почувствовала Бога в самом раннем возрасте. Ее мать незаметно вложила в сердце дочери понятие о Боге — Творце вселенной, любящем всех людей. Когда она впервые услышала слова о страхе Божиим, то с недоумением спросила маму: «Мы ведь любим Бога, как же мы можем Его бояться?» Мама ответила ей: «Мы должны бояться огорчить Его каким-нибудь дурным поступком». Этот ответ вполне удовлетворил Елену. Но душевная связь у нее была особенно сильна с ее бабушкой, Анной Осиповной, глубоко верующим человеком. Елена Семеновна так вспоминала о ней: «Я наблюдала, как она каждое утро молилась, горячо и искренне, и ее молитва как бы переливалась в меня...

Бабушка меня ничему не учила, но ее пример и ее любовь ко мне действовали сильнее всяких нравоучений... У меня появилась потребность молиться. О чем я тогда молилась, я не помню, но молилась всегда перед крестом церкви Св. Николая, который был виден из нашего окна и удивительно горел перед закатом солнца. Мне это казалось чудом. Казалось, что, кроме естественного света, он сиял и каким-то иным Светом...» В частной гимназии, в которой училась Елена, она всегда оставалась на занятия по Закону Божьему, которые были свободными для посещения представителями иных вероисповеданий. Священник рассказал однажды о том, что Бог един, но в трех Лицах: Отец, Сын и Святой Дух. «Я это восприняла как аксиому, все просто и ясно уложилось в моем сердце. — пишет Елена. — В первом классе я с большим интересом слушала уроки по Ветхому Завету. Часто брала у девочек учебник и прочитывала то, что было задано.

Мама моя в это время давала уроки французского и немецкого языков и дома занималась с отстающими учениками. Была война, папа был на фронте. Маме приходилось думать о пропитании меня с братом, бабушки и себя. Бабушка вела хозяйство и много помогала маме. И морально, благодаря своей твердой вере, она крепко поддерживала маму в самые трудные военные годы...

Однажды одна из маминых учениц оставила у нас учебник Нового Завета, а сама уехала в деревню на летние каникулы. Я начала читать этот учебник (Новый Завет в изложении священника Виноградова) и чем дальше читала, тем более проникалась его духом и тем больше разгоралась во мне любовь ко Христу. А когда я дошла до Распятия и услышала слова: “Отче, прости им, ибо не ведают, что творят”, во мне что-то вздрогнуло, со мною произошло потрясение, какого никогда не случалось ни до, ни после того момента. Я забивалась в какое-нибудь укромное местечко и часами не сводила глаз с Распятия, целовала и обливала Его слезами. Я дала себе обещание непременно креститься». Вскоре, девяти лет от роду, она сказала матери о своем решении. Мать была в ужасе, начала кричать и даже бить ее, но Елена была непреклонна и твердила о том, что всё равно примет крещение. Вскоре вернулся с фронта ее папа, и мама рассказала ему о желании дочери. Папа постарался воздействовать на Елену лаской и любовью, но она твердо сказала ему, что всё равно выполнит свое намерение. Несмотря на запрет матери, она читала взятые в библиотеке

книги о первых веках христианства — «Фабиолу» Уайзмана, «Камо грядеши» Сенкевича и «На рассвете христианства» Фаррара — и эти книги дали ей силы и вдохновение для дальнейшего противостояния матери.

«Я была еще ребенком и много играла. Все мои игры были наполнены содержанием тех книг, которые я читала. Даже в школьном хоре пели такие песни, как “Был у Христа Младенца сад”. Эта песня на меня необычайно сильно подействовала. Я как бы чувствовала себя среди еврейских детей, которые сплели для Христа венок колючий из шипов», — продолжает она.

В пору взросления во всех поэтических и литературных произведениях Елена искала христианские мотивы, близкие ее душе. Позже она примирилась с родителями и переехала из Харькова к двоюродной сестре Вере в Москву. С Верой у Елены с юных лет возникла особенная душевная близость, и родство по духу сплотило их на всю жизнь.

«В 1924 году я кончила семилетку и поехала погостить в Москву к бабушке, которая с 20-го года переселилась к сыну, потерявшему жену. У сына, моего дяди Яши, осталось двое детей: сын Веня и дочь Верочка. Все они приняли меня с большой любовью. А Верочка сразу привязалась ко мне, да и я к ней. Мы почувствовали, что души наши чем-то особенно близки друг другу, хотя характеры резко отличались: Верочка была замкнутой, большей частью грустной. Она всё еще никак не могла примириться со смертью матери, которую они с братом нежно любили.

Я была жизнерадостной, веселой девочкой, мне только что исполнилось 16 лет. Я радовалась жизни, радовалась тому, что меня окружают любовью и заботой. И когда мне предложили остаться в Москве и держать экзамен в восьмой класс, я охотно согласилась. Мама с папой тоже разрешили остаться в Москве, — вспоминает Елена Семеновна. — До 31-го года я работала и училась. В 31-м году закончила курсы чертежников-конструкторов и продолжала работать в проектной конторе “Кожпроект”. Когда я получала новое задание — чертеж или какую-нибудь другую работу, я мысленно испрашивала благословение Божие на эту работу и благодарила Бога, когда кончала работу: никто меня этому не учил, это была у меня внутренняя потребность. Иногда мне очень хотелось помолиться. Тогда я уходила на плоскую крышу нашего учреждения (большой дом у Устьинского моста, который мы сами проектировали) и там находила место, где меня никто не видел. Никто

из сотрудников, кроме моих близких друзей Ани¹ и Лины, не догадывался о моем мировоззрении. Только однажды, на Пасху, один из наших инженеров, как бы в шутку, обратился ко мне с праздничным приветствием: “Христос воскрес, Елена Семеновна!” Я ему так ответила: “Воистину воскрес!”², что он попятился назад с открытым ртом».

Определяющее влияние на становление Александра Меня оказали именно мать и ближайший круг ее единоверцев, которые в те тяжелые годы сохранили светильник веры и раскрыли перед ним Евангелие. Удивительный дар сердца, которым обладала Елена Семеновна, — дар ясного и глубокого понимания христианского мироустройства и нравственных основ человеческих отношений — благотворно повлиял на Александра, дал ему внутренний стержень.

Вера Яковлевна Василевская, двоюродная тетя Александра Меня, была на несколько лет старше Елены, и ее внутренний мир был более сложным, чем у сестры, а восприятие окружающей действительности — более печальным и порой трагичным. Вера росла замкнутой и грустной девушкой и в этом отношении была полной противоположностью жизнерадостной и веселой Леночке (как называли близкие Елену Семеновну). «Счастлив тот человек, который на всю жизнь сохранил чувство реальности мира, вечно воссоздающегося благодатью Божией и покоящегося в лоне своего Творца. Это чувство непосредственно дано ребенку, но, не освещенное верой, оно быстро гаснет и сменяется мучительными исканиями, которые находят свое выражение в бесчисленных детских вопросах. Большая часть этих вопросов остается не только не отвеченной, но и не заданной: почему увядают цветы? Почему умирают люди? Почему злой ветер гонит листочки? Почему так много страшного в злом непонятном мире за пределами детских сказок и игр?»² — писала Вера Яковлевна в воспоминаниях о своем детстве. Она часто размышляла о греховности и неотвратимости греха в окружающей ее мирской жизни.

«Религиозное чувство родилось у меня в душе очень рано, оно возникло вместе с чувством истории, осознанием своей принадлежности к народу, который “открыл” Бога для человечества. Люди жили во тьме язычества, когда в Израиле “открылся” Единый Истинный Бог. Другие на-

---

¹ Племянница П. А. Флоренского.

² Здесь и далее приведены цитаты из книги В. Я. Василевской «Катакомбы XX века» (М.: Фонд имени Александра Меня, 2000).

роды открыли вращение земли, электричество, закон тяготения и многое другое, но то открытие, которое было дано еврейскому народу, было самым важным. Мысль об этом наполняла детскую душу чувством большой нравственной ответственности», — писала Вера Яковлевна.

Самым душевно близким для Веры человеком с детства была ее мама. Мать Веры жила как будто «у крайнего небесного круга» — настолько мало привлекало ее всё материальное и настолько одухотворенной любовью она любила своих близких. Она умерла, когда Вера была еще совсем юной и училась на философском отделении Московского университета. Смерть матери стала огромным потрясением для Веры. Мир для нее опустел, утратил не только привлекательность, но и реальность. «Занятия философией и психологией в университете, хотя и глубоко захватывали, но не давали той пищи, которую просила душа», — писала Вера Яковлевна.

С восемнадцати лет каждое воскресенье Вера испытывала необъяснимую печаль. Однажды утром, когда Вера работала в летнем детском лагере, она услышала вдали колокольный звон. «У всех воскресенье, а у тебя не воскресенье», — сказал неожиданно один из малышей, окружавших Веру.

Вскоре она поступила работать в детский сад, продолжая занятия в университете. В общении с детьми Вера в большей степени чувствовала возможность собственной реализации и взаимного понимания, чем со взрослыми. И действительно, у нее открылся большой дар общения с детьми, понимания их нужд и душевных потребностей. Впоследствии Вера Яковлевна стала специалистом по педагогике и детской дефектологии. А в те годы, работая в детском саду, она познакомилась с девушкой, благодаря которой впоследствии попала к своему будущему духовнику, отцу Серафиму (Битюкову)¹, что стало поворотным моментом в ее жизни. Ее путь к крещению был трудным и полным глубоких переживаний. Мешали противоречия, которыми в то время была раздираема Церковь, необходимость конспирации и фактического обмана даже самых близких людей ради встречи с духовным отцом, воспоминания о ев-

---

¹ В следственном деле архимандрита Серафима (ГА РФ Д.П — 37387) везде фигурирует его личная подпись с написанием фамилии «Битюков». В дальнейшем это написание изменялось в различных источниках — возможно, по ошибке либо в целях конспирации.

рейских погромах, начинавшихся с крестного хода, тяжелые исторические ассоциации, которые вызывали у Веры еврейские слова «авойдо зоро» — чужое служение.

У Веры Яковлевны не было собственной семьи. Приняв крещение, она полностью отдала сердце Богу и стала вторым духовным наставником детей Елены Семеновны, полюбив их всей душой. После рождения Алика Вера Яковлевна долгие часы проводила у его колыбели. Ее вдохновенная поэтическая натура нашла выражение в написании чудесных стихов-песен, посвященных маленькому Александру и полных внутренней, глубинной музыки. Многие образы, содержащиеся в песнях, написанных Верой Яковлевной в первые два месяца жизни Алика, нашли отражение в ряде последующих событий жизни Александра Меня, заставляя задуматься о ее прозорливости. Не вызывает сомнения то, что заряд любви и света, вложенный в эти песни, сопровождал Александра Меня всю его жизнь.

Родственная и духовная связь Веры Яковлевны с сестрой уже не прерывалась.

Глава 2

КРЕЩЕНИЕ В «КАТАКОМБНОЙ» ЦЕРКВИ

3 сентября 1935 года в семимесячном возрасте Александр Мень был крещен священником «катакомбной» церкви архимандритом Серафимом (Битюковым) в тайном храме маленького неприметного дома в Загорске. Вместе с сыном приняла крещение и Елена Семеновна.

Вот как отец Александр описывал развитие событий в Русской Православной церкви после революции:

«После Октябрьской революции в России существовало два официальных направления Русской Православной Церкви: “обновленческая” Церковь, впоследствии вносящая изменения в обряды и открыто сотрудничавшая с властями, державшими курс на искоренение религии как “предрассудка”, и “тихоновская”. Патриарх Тихон стремился к мирному сосуществованию с государством, но при этом старался избегать тех компромиссов, которые подрывали бы основы церковной жизни.

В 1925 году патриарх Тихон умер. В конце 1920-х годов начались массовые репрессии. Храмы и монастыри закрывались, а многие тысячи священников, епископов, монахов и ревностных мирян отправляли в тюрьмы, лагеря и ссылки

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru